

И. В. Лучицкий

ОТНОШЕНИЕ ИСТОРИИ К НАУКЕ ОБ ОБЩЕСТВЕ*

Кто-то, весьма справедливо, назвал XIX столетие веком выработки социологии, социальной науки. Но кто стал бы отыскивать решение вопроса, кто стал бы искать социологии как науки, действительно ли обладал бы шансами получить ее, открыть искомое? Не очутился ли бы он в положении искателей философского камня, не пришлось ли бы ему в сомнении найти наиболее удобное и верное решение? Что получил бы он в ответ, если бы обратился к современным деятелям в области практики, и в сфере чисто теоретической, научной, обратился бы с вопросом о том, что такое социология и что история, в чем их содержание, какова их классификация, каков их метод, основные начала, как выражаются те законы, которые управляют разнообразием исторических, социальных явлений, существуют ли даже они?

Незачем и говорить, какой ответ дала бы практика. Фраза Берне: «*wer das Naturgesetz auch in der Geschichte kennt und anerkennt, der kann prophezeien, wer nicht, weisst nicht, was morgen geschieht, und wäre er Minister*», — превосходно характеризует ее, эту современную практику, этот хаос, где царствуют всякого рода меры и решения, мероприятия и теории, где люди уверены, что они своею деятельностью приносят благо человечеству, не зная его, не будучи в силах определить с полною достоверностью, что может произойти для этого человечества, раз их принципы и теории будут пушены в ход.

В теории ответ получается тоже неудовлетворительный. С одной стороны, нам заявляют, что такой науки, как наука об общественных явлениях, нет и быть ее не может; что вся сумма явлений природы распадается на две резко противоположные одна другой группы: на группу явлений физических и группу явлений нравственных; что во второй группе мы имеем дело с явлениями, составляющими результат проявления свободной воли; что здесь естественные причины устраняются и нейтрализуются волею, что если человек может свободно избирать тот или другой способ и образ действий, то науки о нем существовать не может; что все в развитии человечества совершается великими личностями, что в нем ничто не повторяется, что опыт не мыслим и т. д.; одним словом, мы получаем в ответ полное отрицание и науки, и возможности открыть законы общественных явлений. Правда, не трудно было бы отвергнуть все эти ответы со всею их аргументацией. Можно было бы указать на то, что дуализм явлений есть вещь не существующая, что подобное разделение на две группы всех явлений приро-

---

* Публикуется по изданию: **Знание, 1875, № 1, С. 1—43.**

ды не основано на прочных, научных данных и прямо противоречит выводам науки, непосредственно предшествующей науке социальных явлений, что рациональное разграничение и классификация явлений могут быть основаны на факте возрастающей сложности и убывающей общности явлений, что, следовательно, то, что допускается, как несомненное, для одной группы, может быть, сообразно возрастающей сложности, допущено и для другой. Далее. Можно было бы доказать, что проявление человеческой воли не представляет нечто не правильное, не подлежащее предвидению; что эти проявления ограничены условиями среды, времени и характером самой личности, творца известных «свободных актов»; что существует разряд явлений, где исследование не успело удостовериться в порядке следования и предшествования между явлениями, где, как, напр., в метеорологии, явления представляются гораздо более неправильными и произвольными, чем даже акты воли, но где никто не сомневается в том, что эти явления зависят от законов; что тот факт, напр., что в известной области явлений мы можем подметить действие общих причин, тогда как действие мелких ускользает от наблюдения, доказывает лишь, что наука об этих явлениях не есть наука точная, а вовсе не то, что она не существует, как не существуют будто бы и законы этих явлений. Наконец, можно было бы заметить, что верная система только в том случае может быть названа верною, когда она верна самой себе во всех своих логических последствиях, а что, между тем, система отрицающих социальную науку не обладает этим качеством, и ее защитники и последователи весьма часто одною рукою уничтожают и отрицают законы, а другою создают их, невольно прибегают к ним при анализе общественных явлений, и отсюда, опираясь на всю сумму возражений против теории отрицания науки об общественных явлениях, следует заключить о возможности существования законов общественных явлений, о возможности их открытия.

Но какой ответ найдет спрашивающий у тех, кто признает его аргументацию целиком или по частям?

Несомненно, своим выводом о законосообразности общественных явлений он вполне сходится с целою группою современных исследований, группою, которая с каждым годом увеличивается все более и более. Группа эта признает вполне существование законов социальных явлений, ставит их открытие целью исследования. В самом деле, чем более мы приближаемся к нашему времени, тем все яснее и яснее мы замечаем, как крепнет и растет убеждение в законосообразности общественных явлений. Как часто ни разнообразны и ни противоречивы моральные и философские мнения исследователей, — все они допускают, как аксиому, и возможность существования науки, и существование законов в истории, в развитии и строе человечества. Тот, кто следит за ходом и развитием того, что называется философиею истории, кто знаком с новыми постоянно выходящими трудами в этой области, — знает, что это мнение разделяется теперь и верующим католиком, и ревностным протестантом, и германским метафизиком, и английским и французским позитивистом; он найдет его и в сочинении Майльфера, полу-католика, полу-деиста, и у Ласо, католика, и у Гемана, Лотце, и у массы других. «Если вечные законы управляют движением небесных тел, то неужели, спрашивает один из германских метафизиков,

они не управляют и действиями людей?»), и дает, за одно с Лацарусом, Грюном и др. утвердительный ответ, указывает на необходимость их открытия, на то, что история есть наука и, как таковая, имеет законы.

Но за этим общим, соединяющим всех их принципом, много ли найдется других принципов, много ли окажется решений, относительно характера науки, ее содержания, метода, которые были бы общи всем им? Разрабатывают ли они свой материал по одному общему методу? Одинаковые ли ответы получаются у всех их на вопросы: что такое законы социальных явлений, в чем и как они выражаются, что такое и в чем содержание той науки, которая занимается их открытием, какова классификация этой науки, какого рода тот метод, который применяется в ней для открытия законов социальных явлений, каким общим, постоянным законам подчинено развитие человеческого общества?

Если мы с этою целью обратимся к литературе предмета, то встретим в ней самые разнообразные, противоречивые, взаимно уничтожающие друг друга ответы. Уже с первых шагов начинается полное разногласие в ответах на самые существенные вопросы. В то время, когда одни дают определение закону социальных явлений, вполне соответствующее определению закона вообще, но формулируют его сообразно большей, сравнительно с остальными областями явлений природы, сложности социальных явлений, и определяют социологию, в противоположность истории, как науку абстрактную, долженствующую открывать законы, по которым каждое состояние общества производит состояние, следующее за ним, законы общества всех времен и всего человечества, а не законы развития или строя того или другого народа, той или другой эпохи, — другие, допускающие существование социологии, как отдельной, самостоятельной науки в ряду других, сводят ее законы на законы биологии, рассматривают социальный организм, как и самый простой организм, за организм индивидуальный, даже готовы применять законы более простых наук, каковы, напр., механика, химия и т. д., к явлениям общественной жизни; третьи, просто не отделяют социологию от биологии, признавая ее лишь частью этой последней науки; четвертые, наконец, смотрят на законы общественных явлений как на нечто абсолютное, самостоятельное, как на *entites*, подобно красным ниткам, в истории, то даже как моральные законы, совершенно такие же, как те, которые внесены в кодексы, причем, в большинстве случаев, исходят не из данных истории и законов человеческой природы, а из некоторых абсолютных принципов. Для них наука, занимающаяся открытием законов социальных явлений, часто просто является связанною с историей, либо определяется как наука истории, как ее философия, даже как социальная динамика, которую они смешивают с историей, причем законы эти отыскиваются для отдельных наций, если они не считают явлений социального развития чем-то повторяющимся, допуская возможность вывода законов из сравнения событий эпохи древнего мира с событиями новых времен, в которых они усматривают сходство, повторяя мнение итальянских писателей XVI века. Сюда относится, главным образом, группа германских историков, мнения которых различаются между собою гораздо резче, чем мнения писателей выше указанных групп. Если мы пойдем далее, и обратимся к ответу на вопросы о том, в чем и как выража-

ются законы социальных явлений, к формулам этих законов, как их представляют нам социологи, философы-историки и т. д., то увидим еще большее разнообразие во мнениях, — разнообразие, вытекающее из различий, существующих в методах, научную обработку и выяснением которых занято главным образом лишь первое из указанных направлений, но которые у других направлений не представляют ничего ясно и прочно поставленного и выработанного, которые крайне произвольны и являются личным делом каждого исследователя. В то время, когда одни, главным образом позитивная школа, куда примыкают отчасти Трехзель, Лотце и др., представляют нам развитие человечества, как результат взаимодействия одного поколения на другое, как ряд последовательных изменений, подчиненных закону трех фазисов или состояний, и мысли, и деятельности, признавая при этом, что факт прогресса не есть нечто целесообразное, а развивающееся самопроизвольно, как всякое другое явление природы, — другие, склонные применять законы биологии к явлениям общественным, усматривают в развитии человечества повторение закона возрастов, как он существует для индивидуумов, причем подведение фактов под этот закон оказывается совершенно произвольным, смотря по тому, какими воззрениями руководится исследователь. Так, один, напр., ставит возраст человечества в соотношение с развитием мысли, представляя историю как ряд повторяющихся круговых движений, законченных циклов, между тем как другой указывает на эпоху трубадуров и миннезингеров, как на проявление любви молодого человека; для него Греция и Рим соответствуют детству, романтическая литература XIX века — второй поре любви, вторжение варваров — поре зрелости и т. д. Принадлежность к той или другой политической партии, к тому или другому религиозному лагерю является исходным пунктом, основанием, при объяснении и формулировании законов. Для Фрерона, напр., историческая жизнь является результатом двух сил: социального состояния, т. е. нравственного, интеллектуального и физического строя людей, — что представляет собою нечто фатальное, и свободы, сопротивляющейся фатальным последствиям первой силы. Закону явлений общественных он придает формулу, по которой человечество должно проходить различные фазы вроде аристократизма, демократии, цезаризма, причем цель и высшая точка — демократия. А между тем, становится на той же почве политических доктрин, Ромер принимает закон о возрастах и сопоставляет их с политическими партиями. Эпоха детства, по его теории, — господство радикальной партии, демократии; эпоха юности — господство либералов и либерально-конституционного государства, высшая точка прогресса; зрелый возраст — господство консервативной партии и традиционного государства, и, наконец, эпоха старости — торжество абсолютизма; другие повторяют закон Аристотеля (Гервинус, Пагано и др.), третьи, как Одисс Барро, ставят в основании истории законы местности и национальности. Законы эти для Барро, это, во-первых, закон войны, вечный и неизменный, во-вторых, закон национальности, основой для которой служат горы и речной бассейн и, в третьих, закон колебания между системою больших и малых государств. Тот факт, на какой из элементов общественного строя следует указать как на играющий первостепенную и определяющую роль в развитии человечества, порож-

дает целую массу разнообразных решений, так же как и изучение общественных явлений с точки зрения их целесообразности. Исследователи требуют установления некоторых принципов, идей, будут ли то идеи справедливости, равенства, счастья, религиозности и т. п., и употребляют их как критерий для оценки фактов и вывода отсюда законов развития общества. «Без целей, — говорит Бюшез, а за ним Германн и др., — нет прогресса, и представляет закон общественных явлений в виде формулы: «желание, рассуждение и исполнение», и представляет, как закон исторических явлений, следующую формулу: «желание, рассуждение, исполнение», т. е., другими словами, общество испытывает стремление реализовать свои цели, затем обсуждает их, что требует борьбы, наконец, приводит их в исполнение. Так, в период «адамический» цель общества заключается в создании семьи, как подготовителя государства и т.д. Германн, в своей *Philosophie der Geschichte*, изображает развитие общества, как дело искусства, как нечто создающееся по предначертанному плану и целесообразно. «История есть постепенное открытие целей, — замечает в одной из своих брошюр Дройзен: — наука о прогрессе человечества к этим целям и есть то, что называют философию истории». И вот, в параллель этим теориям, создаются такие системы, напр., как система Баадера, где все законы построены на теории морали, и закон развития человечества представляется как выражение двух движений: восходящего, как эволюция развивающегося божественного образа в человеке, и нисходящего, как эволюция образная: грех принимает все более и более чудовищные формы. История, по его теории, начинается разъединением плоти, разума и души, она оканчивается или примирением через культ природы на востоке, через культ природы и души в Греции, наконец, через культ природы, души и разума в христианстве. Но Еренфейхтер в своей *Entwicklungsgeschichte der Menschheit*, исходя из тех же основ, представляет как закон истории две фазы: фазу преобладания природы (в древнем мире) и фазу преобладания духа. Еще большее уклонение представляет формула Ласо.

Мы могли бы увеличить наше изложение, могли бы привести еще большую сумму мнений, но и там, как и в приведенных воззрениях, мы встретились бы с самым причудливым разнообразием и в исходной точке отправления, и в формулах законов развития общества, и в определениях науки и ее методов. Подобное разнообразие мнений в вопросах, которые считаются существенными в каждой науке, служит ясным доказательством того, что самой науки об общественных явлениях еще не существует, что она еще не выработана, так как не выработаны ее основы, нет согласия по отношению к этим основам, так как, наконец, мы не в праве, да и не можем доказать, чтобы хотя одно, как из указанных, так и вообще из существующих решений задач, которые ставит история, общественные явления, имело в настоящее время неоспоримый перевес над другими. Для того, кто знаком с историей мысли вообще и с историей наук в частности, подобное разногласие в выводах, их разнообразие, составляет несомненный признак того периода в развитии данной какой-либо отрасли знания, когда ее основы еще не утверждены на прочных основаниях, когда она находится в процессе выработки, когда, одним словом, она еще не существует, как наука, как не существует химия, как наука, до Лавуазье, или геология в тот

же период времени. И действительно, вряд ли кто-либо решился бы утверждать, что, при том состоянии, в каком находится в настоящее время социология, при сильном еще господстве доктрин, представляющих непреодолимые затруднения при оценке подлежащих фактов и явлений, она может считаться наукою, что она заключает в себе сумму таких законов общественных явлений, истинность и несомненность которых не подлежала бы спору. С другой стороны, тот факт, что два главных основания, на которых может быть построена социология, как наука: во-первых, правильно и тщательно обработанный фактический материал, а во-вторых, законы человеческой природы, наука антропология, далеко еще, одно не выработано, не обработано, а другие надлежащим образом не изучены, не сгруппированы, — дает нам полное основание думать и утверждать, что говорить о социологии, как о науке, как о чем-либо хотя бы отчасти законченном и определенном, в смысле содержания выводимых социологией законов, вряд ли основательно.